

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 801.6

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-503-510>

Шифр научной специальности 5.9.1

**Рецензия на монографию:
Темиршина О.Р. Егор Летов: язык и мир. Опыт
психолингвистического подхода к поэзии. Санкт-Петербург:
Издательско-Торговый Дом «Скифия», 2024. 608 с.**

Марина Анатольевна Дубова

ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет»
140410, Российская Федерация, Московская обл., г. Коломна, ул. Зелёная, 30

 dubovama@rambler.ru

Аннотация

Дана рецензия на монографию О.Р. Темиршиной, посвящённую психолингвистическому анализу поэзии Егорова Летова, включённой в широкий культурный контекст. Исследователь предлагает в качестве «методологического» ключа к летовской поэтике анализ связи языка музыканта и его модели мира. В поле научного интереса автора рецензии включены такие особенности поэтической картины мира Е. Летова, как категория эмотивности, тяготение к безличности, установка на выражение внутреннего переживания, психолингвистические механизмы передачи эмоций, телесный код, пространственно-динамическая модель, звукообразы и мотивно-образные кластеры.

Ключевые слова: Егор Летов, психолингвистический анализ, модель мира, язык

Для цитирования: Дубова М.А. Рецензия на монографию: Темиршина О.Р. Егор Летов: язык и мир. Опыт психолингвистического подхода к поэзии. Санкт-Петербург: Издательско-Торговый Дом «Скифия», 2024. 608 с. // Неофилология. 2025. Т. 11. № 2. С. 503-510. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-503-510>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-503-510>

OECD 6.02; ASJC 1208

**Monograph review: Temirshina O.R. Egor Letov: Language
and world. An experience of a psycholinguistic approach to poetry. St. Pe-
tersburg, Publishing and Trading House “Skifiya”, 2024, 608 p.**

Marina A. Dubova

State University of Humanities and Social Studies
30 Green St., Kolomna, Moscow Region, 140410, Russian Federation

 dubovama@rambler.ru

Abstract

The author reviews the monograph by O.R. Temirshina, devoted to the psycholinguistic analysis of poetry of Egorov Letov, which is included in a broad cultural context. As a “methodological” key to Letov’s poetics the researcher offers an analysis of the connection between the author’s language and his model of the world. The author’s field of scientific interest includes such features of the poetic picture of the world of E. Letov as the category of emotiveness, gravitation towards im-

personality, the focus on expressing internal experience, psycholinguistic mechanisms for transmitting emotions, body code, spatial-dynamic model, sound images and motivic-figurative clusters.

Keywords: Egor Letov, psycholinguistic analysis, world model, language

For citation: Dubova, M.A. Monograph review: Temirshina O.R. Egor Letov: Language and World. An Experience of a Psycholinguistic Approach to Poetry. St. Petersburg, Publishing and Trading House "Skifiya", 2024, 608 p. *Neofilologiya* = *Neophilology*, 2025;11(2):503-510. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-503-510>

Рецензируемая монография¹ посвящена «уникальной поэтической вселенной Егора Летова» (с. 4) – музыканта и поэта, художественное влияние которого «ощущается в самых различных сферах – от рока и рэпа до профессиональной «бумажной» поэзии (с. 9). Героем своей книги О.Р. Темиршина делает весьма неоднозначную фигуру «консенсуса и конфликта» (с. 9).

Композиционно монография состоит из пяти частей, поделённых на главы, связанных друг с другом единством общего исследовательского сюжета, отражающего логику авторского постижения поэтического творчества Е. Летова, которое изучается с привлечением психолингвистического инструментария.

Авторское введение определяет основные векторы и узловые моменты в поэтической вселенной Е. Летова – культовой фигуры, влияние которой, по мнению О.Р. Темиршиной, далеко выходит за пределы своего времени. Во многом именно невозможность вписать Летова в разнообразные историко-культурные системы, которая объясняется противоречивостью его поэтики, с одной стороны, оперирующей сложными авангардистскими концептами, а с другой – характеризующейся мнимой простотой текстов, буквально «ушедших в народ», и делает фигуру музыканта столь привлекательной, равно как и сложной для постижения.

Именно этот факт определяет и главную цель книги – «выявить принципы создания суггестивных, «сложно-простых» текстов» (с. 16) Е. Летова. Её решение задаёт два

главных методологических ориентира исследования: лингвистику и психологию, позволяющих выявить закономерности когнитивно-психологического порядка. Без сомнения, основные теоретические построения отечественных психолингвистов, начиная с Л.С. Выготского, позволили определить ключевые функции поэтического текста, обуславливающие его структуру. Более того, ключевые установки монографии соотнесены с широким объектным полем когнитивной лингвистики, поскольку в центре внимания оказывается процесс исследования путей и способов претворения в художественном тексте авторской модели мира, содержащей глубинные личностные смыслы.

Материал монографии структурирован на основе принципа «от простого к сложному», в соответствии с которым первую часть книги можно читать и понимать и без специальной филологической подготовки, тогда как для постижения последующих частей без специальных знаний не обойтись.

Осевым понятием исследования является понятие модели мира, которое учёный трактует как «систему личностных смыслов, воплощаемую на разных уровнях поэтического текста и сопрягаемую с двумя фундаментальными сферами: субъект и образ пространства» (с. 18). Последовательное раскрытие этого понятия, углубление и приращение его семантики и определяет построение глав каждой части книги.

Основную исследовательскую концепцию, многократно акцентируемую в монографии автором, можно сформулировать следующим образом: «грамматические сдвиги и смысловые деформации отмечают самые важные, личностно значимые участки миромодели» (с. 19) Егора Летова. Отсюда вытекает важнейшая гипотеза исследования –

¹ Темиршина О.Р. Егор Летов: язык и мир. Опыт психолингвистического подхода к поэзии. Санкт-Петербург: Издательско-Торговый Дом «Скифия», 2024. 608 с. <https://elibrary.ru/nwsaod>. Далее цитируется это издание с указанием страниц в тексте.

«главным способом выражения глубинных личностных смыслов в лирике музыканта становится внутренняя речь» (с. 19).

Во введении трактуются основные научные понятия, которыми автор в дальнейшем будет оперировать, постепенно раскрывая и усложняя их структуру. К ним относятся модель мира, пространственно-динамическая модель, личностные смыслы, определяется методология исследования, основу которого составляет психолингвистический подход, выявляющий связь модели мира, задающей специфику индивидуальной прототипической ситуации и особенности художественной коммуникативной ситуации, и поэтического текста.

Первая часть исследования **«Онтология. Мир и человек в поэтическом универсуме Егора Летова»** посвящена описанию базовых пространственно-динамических моделей (ПДМ 1 и ПДМ 2) летовской поэзии, реализующихся прежде всего на нарративно-сюжетном уровне и соотносённых с мотивно-образной парадигмой и тематическими комплексами. Она состоит из трёх глав. В первой из них – **«Инструкция по выживанию. Закрытое пространство (ПДМ 1)»** – анализируется первая пространственно-динамическая модель, включающая в себя «закрытое ограничивающее пространство, соотносённое с агрессивными силами (тип пространства), пассивного субъекта (тип субъекта), который является неподвижным (способ передвижения)» (с. 38). В главе выделено два подтипа первой пространственно-динамической модели, выявлены и обоснованы причины их трансформации, охарактеризован субъект как многоуровневая конструкция и тип движения. Безусловной заслугой автора является подтверждение сформулированных выводов большим количеством стихотворных текстов, которые подвергаются детальному анализу в соответствии с поставленной задачей. Вторая глава – **«Семь шагов за горизонт. Открытое пространство (ПДМ 2)»** – рассматривает составляющие пространственно-динамической модели 2, в которой также выделяются два подтипа в зависимости от положения субъекта внутри/снаружи относительно пространства, ассоциированного с

ПДМ 2. Открытое пространство предстаёт в разных ракурсах: далёкое, иное, лишённое пределов и границ. Тип движения с центробежного и векторного меняется на ненаправленное и разнонаправленное, равно как претерпевает трансформации субъект, попадающий в это пространство. Третья глава – **«Я весь расстрелян. Тело как метафора аффекта»** – исследует способы воплощения личностных смыслов через парадигму телесных образов и мотивов. Здесь авторское внимание акцентируется на функции пространственно-динамических моделей в лирике Летова «выражать глубоко личностные смыслы, имеющие, по-видимому, эмоциональную природу» (с. 96), а также на самих смыслах, которые в лирических текстах репрезентирует «страдающее, разрываемое, взрывающееся тело, и почему эти образы настойчиво повторяются» (с. 97). Именно на эти вопросы и отвечает третья глава первой части монографии.

О.Р. Темиршина успешно решает задачи данной главы: «реконструировать «эмоциональную физиологию» переживания, развёртывающегося в лирике Летова, выявить ключевые телесные образы-метафоры и вычлени личностные смыслы, стоящие за ними» (с. 99). Автор исследует содержание аффективного переживания, его реализацию на уровне сюжета и ПДМ, а также способы его языковой объективации на уровне метафор. В центре внимания оказывается узловая для творчества Е. Летова песня «Прыг-скок», концентрирующая «в себе весь магистральный сюжет» (с. 133) его лирики.

Вторая часть – **«Грамматика мира: пространство и субъект в семантико-синтаксической перспективе»** – выявляет «систему «поэтических сдвигов», которые мотивированы пространственно-динамическими моделями, и состоит из четырёх глав. В ней, как и в последующей, третьей части, автор отвечает на вопрос: «подвластно ли невыразимое выражению и какие художественно-лингвистические средства использует Егор Летов, чтобы воплотить свою уникальную модель мира» (с. 138). Особое внимание исследователя акцентируется на субъектно-объектно-предикатной ситуации и способах

её языковой объективации применительно к магистральным сюжетам и мотивно-образной парадигме лирики. Уделяется внимание поэтической грамматике, которая «обобщает» авторскую семантику, обнаруживая свою специфику в грамматических сдвигах, деформациях и аграмматизмах. Опираясь на инструментарий функционально-семантической грамматики, О.Р. Темиршина весьма успешно анализирует грамматический аспект репрезентации ПДМ. **Глава 4. «Поле субъектности и персональности в лирике Егора Летова»** посвящена исследованию грамматических средств, объективирующих «неактивность» летовского субъекта, являющегося игрушкой роковых, стихийных и неконтролируемых сил (п. 1. «Трамвай задавит нас наверняка...»). Субъектность: от распада к безличности), что находит выражение в системе разноуровневых языковых средств: в формах косвенных падежей имён существительных и местоимений (с. 166), в «неопределённо-личных, стихийных и безличных конструкциях» (с. 156). Образ децентрированного субъекта приводит к сдвигам в поле персональности (п. 2. «Их его за мной оно...»). Персональность и субъект-эксперимент), демонстрирующим тяготение Летова к безличности, которые объективируются преимущественно нарушением норм функционирования личных местоимений. Анализируя трансформации субъекта в лирике Летова, автор монографии приходит к образу субъекта-экспериментера, определяющими характеристиками которого являются инактивность и перцептивность, репрезентируемые тяготением к безличности, сломом грамматических структур, приводящим к появлению окказионализмов. **Глава 5. «Тип движения субъекта в зеркале грамматики».** ПДМ 2 акцентирует внимание на грамматическом кодировании и типе движения субъекта, смена которого вербализуется глагольной лексикой. В центре научного интереса О.Р. Темиршиной оказываются транслокальные и интралокальные глаголы, реализующие семантическую оппозицию «перемещение–местонахождение», важную для модели мира поэта (п. 1. «Широко шагает прочь безымянный...»). Транслокальный и

интралокальный типы движения), а также семантическая нагруженность приёма чередования в рамках одного текста родовидовых глагольных форм. Весьма интересным представляется вывод о том, что «структура «СВ–НСВ, НСВ, НСВ...» является нечленимым элементом художественного мышления автора, своеобразной «аспектуально-синтаксической» молекулой, которая задаёт как целостную композицию текстов Летова, так и конструкцию их частей» (с. 196) (п. 2. «Парит себе в небе...»). Глагольная композиция). Вполне закономерно поле субъектности контактирует со сферой пространственно-временного дейксиса, что обусловило появление **главы 6. «Пространство и время»**, где автор убедительно показывает, как деформация субъекта вызывает изменения в пространственно-временной организации поэтического текста. Деформации пространства в стихах Летова происходят на нескольких уровнях: морфологическом, семантико-синтагматическом и тематическом, что объективируется системой разноуровневых языковых средств (с. 208) и наиболее ярко представлено в такой модели сдвинутого пространства, как инсайдаут (п. 1. «Внутри!» Пространственный инсайдаут). Пространственные сдвиги влекут за собой деформации временного характера. В поле зрения исследователя попадают семантически значимые для лирики музыканта категории временного порядка и темпоральности, изменения которых и исследуются в данной главе (п. 2. «Вот вот уж прошёл...»). Деформация временного порядка и темпоральности). Логичным продолжением шестой главы и завершением второй части выглядит **глава 7. «Хронотоп и «процессуальный субъект»**. В ней «пространственно-временные «возмущения» изображаются вместе» (с. 223), а не как «независимые феномены» (с. 223) (гл. 6). Авторский интерес здесь связан с произведениями, в которых представлен «иномерный», «плывущий» хронотоп, соотнесённый с образом нестабильного субъекта. Летовский космос выступает производным от образа «внеаходимого» субъекта, пребывающего везде и нигде, внутри и снаружи, что передаётся средствами амбивалентного пространствен-

ного дейксиса, не позволяющего точно определить хронотопическую привязку субъекта (п. 1. «Ты знаешь, трудно держать время на ладонке...»). Пространственно-временные сдвиги). Разговор идёт о трансперсональности летовского героя, которая «инспирирует и комплекс безличности, и процессуальность, и семантику состояния, соотнесённую с особым кругом переживаемых эмоций» (с. 232), и находит выражение в тропах и композиции текста (п. 2. Множественный субъект и обратная перспектива).

Если в первой и второй частях монографии субъект был рассмотрен как онтологическая единица, то в третьей части он исследуется как коммуникативная инстанция, то есть носитель определённой «речевой способности», субъект как феномен, выражающий коммуникативную стратегию автора.

Часть 3. «Коммуникативная организация лирики Егора Летова: грамматика, семантика, дейксис» в соответствии с логикой авторского исследования композиционно состоит из двух глав. В главе 8. «**Внутренняя речь как модель поэтического высказывания**» представлен глубокий и разноаспектный анализ такого явления, как внутренняя речь, рассматриваемого с точки зрения семантических границ этого понятия и выполняемых поэтических функций, а также с позиций коммуникативного, грамматического и образного аспектов изучения, что позволяет сделать выводы о самозамкнутости и эгоцентричности летовского субъекта речи. Замкнутый на себе субъект реализует концепцию «уединённого сознания» (В.И. Тюпа), характерную для исторического авангарда. Тогда как уединённость речевого субъекта обуславливает обращение Летова к форме внутреннего монолога, генетически связанной с внутренней речью (п. 1. Внутренняя речь: границы понятия и поэтическая функция). Коммуникативно-прагматические особенности исследуемых О.Р. Темиришиной поэтических текстов Летова позволяют прийти к выводу о моделировании поэтом особой формы внутренней речи – внутреннего нарратива-монолога, структурно родственного естественному внутреннеречевому «поток». Исследователь обосновывает, что первичной

моделью рассмотренных текстов является внутреннеречевой монолог, специфические черты которого (выпадение тематических структур, подлежащего и смысловая агглютинация внутреннего слова) порождают ситуацию референтной неопределённости высказывания (п. 2. «Спрятаться-то спрятался...»). Коммуникативный аспект внутренней речи). Отдельно рассматриваются семантико-грамматические сбои в поэзии Летова, обусловленные конфликтом личностных смыслов и общеязыковых значений, что находит выражение, во-первых, в «дискоординации» именной и глагольной групп, а во-вторых, в неточном (с позиций узуса) подборе слов (парафразиях), то есть на уровне морфологических трансформаций (п. 3. «Бродячие леса...»). Грамматический аспект внутренней речи). Вполне логично в последнем параграфе главы исследуются изменения структурно-семантической природы внутреннего слова на уровне синтаксических трансформаций, реализующих установку на компрессию смысла, связанную с неправильным расщеплением синтаксического ступка (п. 4. «Кустистый поезд». Образный аспект внутренней речи). Глава 9. «**Дейктическая организация лирики Егора Летова**» раскрывает специфику коммуникативного (п. 1. «Как тот безымянный...»). Коммуникативный план дейксиса) и онтологического (п. 2. «Они наблюдают». Онтологический план дейксиса) планов дейксиса в поэтическом универсуме музыканта. Автор монографии рассматривает «коммуникативную рассогласованность, обуславливающую семантическую асимметрию позиций слушающего и субъекта в установлении референтных значений указательных местоимений и частиц» (с. 316), что, в свою очередь, программирует разворачивание поэтического произведения как «самоадресованного монолога» (с. 321). Произведённый учёным анализ дейксиса в поэзии Летова демонстрирует, что все анализируемые местоимения включают семантику неопределённости, увеличение степени которой напрямую коррелирует со степенью интериоризованности сил, ими обозначаемых, а «изменения дейксиса указывают не только на резко индивидуализи-

рованную картину мира, но и на трансформацию стандартной модели художественной коммуникации» (с. 357).

Часть 4. «Поэтическая эмоция: экспрессивность в лирике Егора Летова» исследует те лексико-семантические черты поэтических текстов, которые, «по-видимому, связаны с фактором эмоции, лежащим за пределами онтологии и художественной композиции» (с. 362). **Глава 10. «Коннотативная метафора и синтаксические монотоны»** посвящена изучению области эмоционального в летовских текстах, которая воплощается с помощью механизмов языковой экспрессивности, рассматриваемой О.Р. Темиршиной с позиций лексико-семантических особенностей (создание коннотативных метафор) (п. 1. «У вас мир как противогаз...»). Седьмой троп) и эмоционального синтаксиса. В поле зрения исследователя попадают повторяющиеся синтаксические конструкции, обладающие мощной индуцирующей силой, что приводит к появлению «интонационного монотона» (п. 2. «Ветер в поле закружил...»). Синтаксические монотоны). **Глава 11. «Телесное слово и механизмы поэтической проективности»** демонстрирует, что телесное может выражаться не только в мотивно-образном плане, но и выступать специфическим стилевым фактором. Исследуются психолингвистические основания регулярных механизмов нарушения семантической сочетаемости, приводящие «к редукции неконкретных сущностей к конкретным материальным признакам» (с. 402), и способы проявления эмотивности на семантико-стилевом уровне. Связь семиотического и телесного, обнаруживаемая в лирике Летова, в которой «модель слова повторяет модель тела, подвергаясь тем же трансформациям» (с. 405), рассматривается на фоне творчества других поэтов (А. Белый, К. Вагинов, В. Маяковский), для лирики которых также характерна близость образов тела и слова (п. 1. «Пернатые радости»). Редукция абстрактного к конкретному). Исследователь выявляет, что устойчивой характеристикой летовского стиля оказывается приписывание эмоционального признака неодушевлённому предмету, что демонстриру-

ет феномен лексической проективности. О.Р. Темиршина объясняет важность проективности для семантики Летова «установкой на экстремальную интроспекцию, исследование внутренней реальности, которая представляет собой опыт чистого эмоционального переживания» (с. 413). Обосновывается вывод о том, что «проективность маркирует феноменологическую работу с внутренним образом-переживанием» (с. 418), при этом «проективные конструкции оказываются семантически производными от модели мира» (с. 418) (п. 2. «Добрые муравейники тишины»). Проективность). В **главе 12 «Звуковая поэтика Егора Летова»** осуществляется переход от крупных единиц изучения – мотивов, образов, синтаксиса – к микроуровню, то есть к звуковой поэтике. Признавая, что звук в поэзии Летова – важнейшее организующее начало, в этой главе автор монографии отвечает на вопросы: каковы функции звуковых повторов в летовской лирике, почему они появляются в таком количестве и как встраиваются в общую модель поэтики Летова. В первом параграфе внимание акцентируется на звукоимовизме, наиболее ярко прослеживаемом в экспериментальных текстах музыканта, тяготеющих «к футуристической зауми кручёныховского толка» (с. 422). Заумь Летова всегда осмысленна, и её осмысленность связана со звукоимовическими элементами. Здесь с помощью артикуляционных средств моделируется либо внешний денотат, либо внутреннее телесно-эмоциональное состояние (п. 1. «Хричим жаром»). Звуковое моделирование внутреннего и внешнего мира). Во втором параграфе анализируется текстуальная функция звука и демонстрируется связь между звуковой поэтикой и опорными словами стихотворений, где звуковая диссоциация опорных элементов трактуется либо как анаграмма, либо как анафония. Формулируется вывод о важности анафонии как разновидности звукового повтора в лирике Летова, выделяются её типы, а также определяется её психолингвистический субстрат (п. 2. «Далекая Офелия»). Звуковое моделирование текста, феномен анафонии). Структурно-функциональный подход к работе Летова с поэтической звуковой

материей дополняется исследованием психологического субстрата звукового повтора, в связи с чем ставится вопрос о психологическом генезисе «поэтической» артикуляции и анафонии. Артикуляционный звуко-символизм и анафония в лирике Летова возводятся О.Р. Темиршиной к внутренней речи с её двойственной образно-словесной природой. Синестезия, проявляющаяся на уровне звуковой поэтики и в области метафоры, соотносящаяся с фактором эмоции, обуславливает перенос визуальных признаков объекта и интероцептивных ощущений на уровень артикуляции (п. 3. Внутренняя речь как психический субстрат «поэтической» артикуляции и анафонии). В последнем параграфе главы рассматривается звук в статусе текстуальной категории, обуславливающей появление звукосемантических комплексов ключевых слов, звуковой метафоры и интонационных монотонов, осложнённых звуковыми повторами (п. 4. Фоносемантические поля и звуковые метафоры).

Последняя, пятая, часть монографии – **«От Ивана Купалы до Маяковского. Лирика Егора Летова в контексте традиции»** – демонстрирует, как в поэзии Егора Летова преломляются традиции русского авангарда и народной культуры, потому что именно эти парадигмы, по мнению автора монографии, наиболее органично вписываются в авторскую модель мира, нацеленную на прагматику действия и акционизм. Этой целевой установкой определяется двухчастное композиционное деление **главы 13. «Поэзия Егора Летова в контексте русского авангарда рубежа XIX–XX веков»**, где выявлена «общая платформа» поэтики музыканта и поэтов-авангардистов рубежа XIX–XX веков, которой стала модель мира, фундирующая в своих основных параметрах (субъект–время–пространство) поэтику авангардистского типа. Исследователь приходит к обоснованному выводу о том, что «в лирике футуристов и обэриутов, как и в поэзии Летова, деформация субъекта приводит к релятивному хронологу и инспирирует комплекс сходных смыслов: аутсайдерство, сумасшествие, тяготение к дизъюнктивности, самоубийство и отчуждение» (с. 500) (п. 1. «Я совсем не по-

хож...»). Концепция субъекта в лирике Егора Летова в проекции на авангардистскую поэзию). Не менее пристальное внимание уделяется изучению релятивного пространства, наделённого у Летова, как и у авангардистов, чертами утопии и тяготеющего к смешению внешнего и внутреннего, а также релятивного времени, связанного с нарушениями временного порядка и трансформациями темпоральности (п. 2. «Поэзия создаёт новый мир». Авангардистский хронолог лирики Егора Летова и концепция искусства).

Последняя в этой части и в монографии в целом **глава 14. «Заговор как одна из формообразующих моделей лирики Егора Летова»** раскрывает связь творчества музыканта наряду с обращением к авангардистским практикам с народной традицией, с которой поэт сближает не только природа его стиха, но и использование в текстах семантических элементов наивной культуры: формул, сюжетных шаблонов, отдельных образов и жанров. Особое внимание исследователь акцентирует на жанре заговора, ставшего своеобразной текстовой моделью для целого ряда знаменитых песен Летова и представляющего в них явление не интертекстуальное, а жанрово-типологическое и ритуально-прагматическое. Таким образом, в творчестве Е. Летова выделяется подкорпус текстов, связанных в единую сверткостекстовую целостность через ритуально-мифологическую символику (п. 1. «Я заклинаю звук». Жанровый прототип заговора в лирике Егора Летова). О.Р. Темиршина выявляет, что закликательное ядро и нарратив летовского «заговора на смерть» «обрамляются» отсылками к славянским ритуально-магическим практикам. В свою очередь, функция «установление контакта с иным миром» обуславливает интерес к купальской обрядности, задающей возможность магической коммуникации. В ряде случаев заговорная стратегия оказывается формообразующей для поэтики Летова в целом, а в художественной практике поэта органично сочетаются установка на заговорную ситуацию и современный акционизм (п. 2. «Славянские ритуально-магические практики и их отражение в текстах Летова»).

В заключении отмечается, что при поиске современными исследователями разных «методологических» ключей к летовской поэтике, О.Р. Темиршина сосредотачивается лишь на одном аспекте – связи языка автора и его модели мира. Здесь подводятся основные итоги работы, формулируются выводы относительно особенностей поэтической картины мира Е. Летова, к которым, по мнению автора монографии, относятся категория эмотивности, тяготение к безличности, установка на выражение внутреннего переживания, психолингвистические механизмы передачи эмоций, телесный код, пространственно-динамическая модель, звукообразы и мотивно-образные кластеры.

Рецензируемая монография формирует у читателя представление об оригинальности и «своеобычности» (с. 22) летовской поэзии, сложным образом включённой в культурный контекст. Нельзя не согласиться с О.Р. Темиршиной в том, что лирика музыканта органично вписывается в поэтическую традицию

XX века, «оживляя», в частности, темы и структуры русского авангарда 1910–1920-х гг., воплотив многие экспериментальные установки А. Кручёных, А. Введенского, В. Маяковского и др. Особо хочется отметить композиционную целостность и логичность исследовательского сюжета, с одной стороны, поступательно раскрывающего поэтическую вселенную Е. Летова, а с другой стороны, постоянно возвращающегося назад с целью обозначить связи уже исследованных аспектов поэтики с анализируемыми в последующих частях монографии. Без сомнения, предложенный в монографии научный подход может быть полезен и эффективен не только при анализе лирики Е. Летова, но и при исследовании и интерпретации других поэтических практик. Рецензируемая монография имеет важное теоретическое и практическое значение. Востребованность монографии О.Р. Темиршиной научным сообществом не вызывает сомнений.

Информация об авторе

ДУБОВА Марина Анатольевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и литературы, Государственный социально-гуманитарный университет, г. Коломна, Московская область, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0001-6906-1002>, dubovama@rambler.ru

Поступила в редакцию 01.12.2024

Принята к публикации 29.05.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Marina A. Dubova, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Professor of Russian Language and Literature Department, State University of Humanities and Social Studies, Kolomna, Moscow Region, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0001-6906-1002>, dubovama@rambler.ru

Received 01.12.2024

Accepted 29.05.2025

The author has read and approved the final manuscript.